
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир Ильин

ПРОФЕССИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЖИЗНЕННАЯ КОЛЕЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ

Статья посвящена концептуализации категории зависимости от прошлого пути в контексте индивидуальной самореализации в профессиональном пространстве. Индивидуальная траектория трансформируется в тенденцию к институционализации, результатом которой является колея как элемент социальной структуры, с одной стороны, повышающий шансы на вертикальную профессиональную мобильность в ее русле, а с другой – сдерживающий межпрофессиональную мобильность. Механизмы колеи разнообразны. Во-первых, это характеристика профессионального пространства (формализованные процессы профессиональной специализации, повышения квалификации, регулирования процедуры допуска к профессиональной деятельности и смены профессии). Во-вторых, профессиональная колея интерпретируется как комплекс специализированных индивидуальных интеллектуальных и физических способностей, знаний и навыков, привычек и установок, приобретающий характер пролонгированного во времени предпринятого статуса. Однако в условиях текучей современности действуют и противоположные тенденции. Некогда устойчивая и жесткая структура профессионального пространства становится очень динамичной, неустойчивой, отстает от потребностей рынка труда, что ведет к ее деформализации. Кроме того, формируется тип личности, адекватный текучей современности и отвергающий жесткую логику профессиональной колеи.

Ключевые слова: профессиональное пространство, профессиональная колея, профессиональная мобильность, зависимость от прошлого, текучая современность

Владимир Иванович Ильин – д.с.н., профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: ivi-2002@yandex.ru.

Основной исследовательский вопрос статьи: как свободный профессиональный выбор индивида, с одной стороны, совершается под структурным принуждением прошлого (личного, семейного и группового), а с другой – закладывает начало профессиональной колеи, постепенно принимающей надындивидуальный, структурный характер. Такой подход под названием «зависимости от прошлого пути» (*path dependency*), иногда – «социальной инерции» (Roedenbeck 2011) используется для исследования социальных трансформаций макроуровня, особенно в неинституциональной экономике (Аузан 2013; Нуреев, Латов 2007; Djelic, Quack 2007; Фуруботн, Рихтер 2005; Vouckaert, De Geest 2000; David 1985) и социологии истории (Mahoney 2000). В рамках неинституционализма прямо или косвенно рассматривается проблема колеи страны, особенно в контексте перспектив модернизации (Аузан 2007).

Специфика данной статьи – сдвиг фокуса внимания на индивида как агента профессионального пространства. Этот сдвиг во многом опирается на логику концепции габитуса Пьера Бурдьё (Бурдьё 1993; 1994). Однако формирование теоретической модели, объясняющей индивидуальное поведение действиями, совершенными в прошлом, имеет давнюю историю. Так, Эрвин Гофман в середине 1950-х гг. рассматривал феномен приверженности индивида ранее выбранной линии поведения, изменение которой в новых условиях чревато потерей лица (Гофман 2009: 18–63).

Подход с точки зрения индивидуальной колеи используется в исследованиях экономики. Томас Шеллинг предложил модель экономического поведения, рациональность которой обусловлена действием, совершенным в прошлом. Например, когда-то заключенное пари (не покупать дом дороже определенной суммы) чревато проигрышем, который перевесит плюсы, получаемые в рамках автономной логики данной сделки, т. н. *side bet* (Schelling 1956). Говард Бекер придал этой модели более развернутый вид, распространив ее и на сферу профессиональной приверженности, *commitment* (Becker 1960). Эта же методологическая логика была использована и в моем исследовании мобильности жителей глубинки (Ильин 2014).

Механизм формирования зависимости от прошлого рассматривается и в исследованиях манипуляций с социальной и политической средой с целью улучшения своих конкурентных позиций (т. н. *rent-seeking*). Этот феномен встречается в разных сферах, в т. ч. и в профессиональном пространстве. Его анализ имел форму строгой модели у экономиста Гордона Таллока (Tullock 1967), в дальнейшем, получив развитие, приобрел популярность (Kueger 1974; Buchanan et al. 1980). В качестве противовеса чистому рынку (в т. ч. и рынку труда) выступают и формирующиеся на нем сетевые отношения (Williamson 1981; 2002).

Таким образом, жизненная колея – это механизм структурного принуждения к выбору определенной жизненной траектории, укорененный, с одной стороны, в конфигурациях социального пространства, а с другой –

в адекватном ему габитусе. Этот механизм включает три части. Во-первых, сформированная предшествующей жизнью повышенная способность выполнять одни функции и ограниченная возможность к исполнению других. Во-вторых, специфические индивидуальные механизмы интеграции в социальное пространство, сформированные предшествующим жизненным путем (например, членство в социальных сетях, репутация). В-третьих, конкретно-исторические институциональные конфигурации социокультурного пространства, повышающие вероятность одних траекторий, и понижающие или исключающие возможность других. Частным случаем жизненной колеи является колея профессиональная.

Жесткая жизненная, в т. ч. и профессиональная, колея – атрибут общества модерна. По мере проявления тенденции к формированию «текущей современности» (Бауман 2008) стабильность такой колеи ставится под вопрос, она начинает переживать эрозивные процессы. При этом структурные трансформации, с одной стороны, порождают формирование адекватных им личностных характеристик, а с другой – эти личностные особенности являются предпосылкой успешности такой трансформации.

Зависимость от прошлого в профессиональном пространстве

Производственная колея

Структура нынешних рабочих мест, составляющих профессиональное пространство, отражает структуру средств производства, созданных когда-то. А новые рабочие места возникают в рамках логики зависимости от прошлого (привязка к уже существующим производствам и ресурсам). Основные формы такой зависимости проявляются в стратегиях расширения и модернизации уже имеющегося производства. Люди, рожденные в небольшом городке, ограниченные в возможностях смены места жительства, оказываются в зоне притяжения существующей структуры производства.

Институциональная профессиональная колея

Институциональная профессиональная колея представляет собой нормативную разметку возможных траекторий мобильности, разработанную и поддерживаемую в основном государственными органами и частными фирмами. Такая колея представлена официальными нормами, которые регулируют право доступа к работе по данной специальности, условия восходящей мобильности, порядок смены профессии, способы выхода из нее (например, на пенсию). Такая колея обычно опирается на логику накопления разнообразных ресурсов (например, опыта и квалификации) и минимизации межпрофессиональной мобильности, девальвирующей эти

ресурсы. Идеальный тип такой колеи, популярной в советское время, но не только, – от ученика до директора (или даже отраслевого министра).

Дополнительным фактором притяжения профессиональной колеи является формализация стажа, играющего роль символического специализированного капитала, который можно потерять при смене профессии. Новая же колея открывает перспективу старта с нуля, а ее смена требует больших издержек.

Династическая профессиональная колея

В малом городе (особенно моногороде) ведущее предприятие с долгой историей оказывается главной зоной доступных возможностей, поэтому профессиональные династии продолжительностью в несколько поколений здесь распространенное явление. Сам факт ограничения выбора выступает в качестве механизма структурного принуждения. «А куда здесь еще пойдешь?» – типичная фраза, артикулирующая логику колеи в таких ситуациях. Однако и в условиях широкого выбора на рынке труда действуют механизмы косвенной передачи родительского статуса детям через семейные механизмы профориентации (Blau, Dunkan 1967). Например, в России такая преемственность нередко встречается в семьях медиков, предпринимателей и инженеров (Козырева 2013: 71). Династическая колея – это, с одной стороны, форма принуждения. С другой стороны – пространство дополнительных ресурсов, создающих конкурентные преимущества благодаря ранней профессиональной социализации в семье, использованию родительских социальных сетей в профессиональной сфере, внутрисемейному обмену профессиональным опытом и т. д. В феномене династической колеи наблюдается процесс превращения свойств структуры в личностные диспозиции, ценностные ориентации.

Вещественный компонент профессиональной колеи

Индивиды в процессе профессиональной деятельности часто (хотя далеко не всегда) формируют ее материальные условия, предпосылки. В этот процесс вкладывается много сил и средств, поэтому перспектива смены колеи означает, с одной стороны, девальвацию накопленных ресурсов (в новой колее они не нужны), а с другой – необходимость создания новой материальной базы с нуля. Особенно велика роль этого фактора для предпринимателей, чья профессиональная колея часто включает принципиально важный материальный компонент (например, специализированные орудия труда, обладающие ограниченной ликвидностью, каналы снабжения и поставок). Это хорошая материальная основа для формирования профессионального консерватизма. В интеллектуальных профессиях эту роль выполняют собранные профессиональные библиотеки, базы данных, личное оборудование. Однако в современных условиях они подвержены процессу быстрой девальвации.

Профессиональные сети как социальная колея

Опыт деятельности ведет к интеграции в профессиональные социальные сети. Это предпосылка не только эффективной, но и просто нормальной работы. Участие в профессиональной сети является, с одной стороны, важным ресурсом успеха. С другой стороны, оно формирует эффект колеи, препятствующей профессиональной мобильности. Обычная дилемма артикулируется примерно так: «Здесь я всех знаю, да и меня многие знают; если же сменить профессию, то придется все начинать снова».

Личностная профессиональная колея

Накопление профессионального опыта предполагает противоречивый процесс, во-первых, развитие востребованных данной профессией специализированных способностей и накопление необходимых компетенций, во-вторых, затухание невостребованных в данной позиции способностей, забывание ненужной информации и т. д. Длительное структурное принуждение порождает личность, эффективно обеспечивающую ее воспроизводство и стабилизацию. Как писал Говард Бекер (Becker 1960: 37), ограничения, обусловленные действиями, совершенными в прошлом (*side bet*), реализуются через процесс приспособления индивида к своей социальной позиции. Эта адаптация к требованиям позиции может вести к таким изменениям форм его активности, что он оказывается неприспособленным для занятия другой позиции, открывшейся для него. В такой ситуации он предпочитает остаться на прежнем привычном месте.

Структура личностной профессиональной колеи включает в себя наличие или отсутствие определенных ресурсов, что не исключает существование между этими полюсами промежуточных состояний, описываемых в терминах качества и уровней:

1. Базовые профессиональные знания, привязывающие к колее, где они востребованы, блокирующие переход в иную профессию.
2. Актуализированные применительно к данному времени и месту профессиональные знания, формируемые через опыт работы и курсы повышения квалификации. Смена колеи означает их потерю.
3. Социально-психологические качества, обеспечивающие адаптацию индивида к конкретному рабочему месту (например, способность к эмоциональной работе в сфере услуг и управления). Абсурдное и тяжелое нормализуется. Как писал Бурдые, «все, что происходит в поле, кажется разумным» (Бурдые 2001: 129). За пределами конкретной колеи остается фантомное чувство отсутствующего места и отчуждение от новой позиции.
4. Адаптация тела к требованиям конкретного рабочего места, позволяющая эффективно и с минимальными усилиями выполнять задания. Бурдые определял такую ситуацию как «чудесную встречу габитуса с полем» или «чувство игры» (Бурдые 2001: 128). Эта же специализация

тела часто ограничивает его способность выполнять качественно иные функции. Невостребованные в своей колее физические данные угасают, блокируя шансы на смену профессии.

Таким образом, продолжительная работа по определенной специальности формирует профессиональный габитус.

Вызовы текущей современности

Современные общества претерпевают глубокие и быстро текущие процессы, в ходе которых они теряют былую жесткую структурированность, что дало Зигмунту Бауману основания назвать эту эпоху «текущей современностью» (Бауман 2008). Профессиональное пространство утрачивает стабильность и предсказуемость. Усиливаются разные формы социальной, в т.ч. профессиональной мобильности (Шкаратан 2009: 404). Бóльшая часть работающей молодежи не наследует профессию родителей (Горшков, Шереги 2010: 99). При этом 60% россиян не хотят, чтобы их дети наследовали их профессиональный статус (Россияне не хотят... 2010). Веками существовавшие профессии начинают исчезать, но появляются новые, для обучения которым традиционное университетское образование не готово.

Институциональные ответы образования

Магистральным направлением адаптации профессионального пространства к логике текущей современности является реформа образования. Основные ее пути можно свести к следующим направлениям. Блочная, многоступенчатая система образования расширяет возможности для горизонтальной профессиональной мобильности. Однако в России реформа была серьезно скорректирована применительно к логике зависимости отечественного образования от предшествующего пути (например, узкая профессиональная специализация бакалавриата). В методике преподавания и в учебных программах происходит переход от образования как процесса насыщения узко профессиональной информацией к формированию навыков учиться и переучиваться. Идет заметное расширение программно-целевого образования, позволяющего в максимально короткие сроки получить «точечные» навыки и знания, представляющие собой узко специализированную надстройку над базовым образованием. С одной стороны, в этом направлении пытается двигаться традиционная система образования, расширяя возможности выбора курсов и получения второго высшего. С другой стороны, за пределами традиционной формируется «текущая» система образования, представленная всевозможными кратковременными курсами, тренингами и мастер-классами.

На рынке труда все более заметным становится сектор неустойчивой, гибкой занятости. Немало рабочих мест существует в режиме *ad hoc*: есть

заказ на конкретную услугу – появляется и рабочее место, исчезающее после выполнения заказа. Этот феномен описывается с помощью категории прекариата (Стэндинг 2014). Прекариат – это класс людей, вымытых из традиционной профессиональной структуры.

Депрофессионализация на рынке труда

Благодаря техническому и менеджерскому прогрессу растет сектор рабочих мест «для дураков»: для выполнения приписанных им функций требуется минимум профессионализма, главное – обучаемость, дисциплинированность и общекультурные навыки. Карл Маркс связывал этот тренд с появлением мануфактур, опиравшихся на принцип дробления сложных трудовых функций на примитивные операции. Гарри Браверман (Braverman 1998) уже во второй половине XX в. отмечал тренд к депрофессионализации, проявляющийся в традиционном дроблении сложного процесса на простейшие звенья, что резко снижает требования к профессионализму рабочих и усиливает власть менеджмента. Этот тренд проявляется и в вакансиях, требующих высшее образование «вообще», т.е. без профессиональной спецификации. Когда-то в СССР официантов и продавцов обучали в ПТУ и техникумах, а теперь ограничиваются коротким инструктажем. В строительстве в крупных городах рабочие с профессиональным образованием вытеснены мигрантами, приобретающими квалификацию на рабочем месте. Переход от общества ремонта к обществу отходов резко снижает уровень профессионализма в техническом сервисе.

Личностные ответы на вызовы текущей современности

Текущая современность формирует запрос на адекватный ей тип личности. В ее нишах комфортно чувствует себя только личность, обладающая высокой степенью гибкости и адаптивности, психически и физически не укорененная в конкретной профессиональной позиции (Бауман 2008). Каковы же черты личности, адекватной образу жизни, слабо укорененному в традиционной профессиональной структуре? Во-первых, способность осваивать новые профессиональные знания и навыки на протяжении всей жизни. Учеба из ограниченного биографического периода превращается в череду образовательных проектов. Это позволяет относительно безболезненно менять профессиональную колею (переходя, например, из социологов в маркетологи или менеджеры), быстро распознавая рыночную конъюнктуру и устремляясь туда, где она в настоящий момент оптимальна, что требует быстрого переобучения.

Во-вторых, психологическая неукорененность в профессиональной позиции, отсутствие жесткой привязанности к ней позволяют легко менять ее в условиях ухудшения рыночной ситуации в поисках новой профессиональной колеи. Иначе говоря, личностная колея (ее аналогом выступает профессиональный габитус) не является глубокой, что открывает возможности для

относительно безболезненной горизонтальной профессиональной мобильности. Такой индивид не тонет вместе с тонущим кораблем профессии.

Третьей чертой является неспособность длительное время заниматься одним и тем же (особенно рутинным) делом. Работа быстро надоедает, индивид ищет что-то новое, более подходящее его нынешнему настроению и изменившемуся вектору интересов. Неопределенность и неустойчивость рынка труда, имеющие для личности жесткого модерна трагический характер, превращаются для представителя текучей современности в элементы комфортной атмосферы. Отсюда вытекает прерывистая профессиональная траектория, проявляющаяся в частой смене рабочих мест по собственной воле. При этом среди причин нередко доминирует не снижение статуса профессии или данного рабочего места, а психологическая усталость от него. Аргумент «надоело» звучит вполне убедительно, даже в случаях его очевидного противоречия экономической логике (отказ от хорошо оплачиваемого места с карьерными перспективами). Риски рынка труда, находящегося в процессе постоянной трансформации, не пугают, а манят как бодрящие вызовы, противостояние которым – увлекательное занятие.

Наконец, следует отметить боязнь перспективы устойчивой и глубокой профессиональной колеи. То, что для личности жесткого модерна было благом (пожизненный наем, одна профессия и одно предприятие на всю жизнь), превращается в пугающую перспективу. В этом одна из причин кризиса науки, которая предполагает именно такой тип жизненной траектории: бакалавр, магистр, кандидат, доктор, в рамках узкой не то что профессии, а специализации. Такая колея обладает очень высокой степенью защиты от горизонтальной профессиональной мобильности. Вероятно, что этому порядку нет альтернативы, что не уменьшает пугающий многих потенциал. Текучий характер профессионального образа жизни органично вписан в образ жизни в целом: регулярная смена места жительства (квартир, городов, а то и стран), переход от одного хобби к другому, текучесть дружеских сетей, текучая интимность (периодическая или постоянная смена партнеров), эксперименты с внешностью, поиск новых форм досуга, проведения отпуска, погоня за новыми впечатлениями и т.д.

Для людей, габитус которых адаптирован к жестким, устойчивым профессиональным структурам, такой тип личности непонятен. Им не то что трудно, а порою даже страшно представить себя в контексте такого образа жизни, означающего глубокие стрессы. Наиболее распространенные формы конфликта – во-первых, между детьми и родителями, во-вторых, между молодыми работниками и работодателями (менеджерами). Традиционная модель нормативной корпоративной культуры, предполагающей готовность всю жизнь служить одному бизнес-проекту, оказывается в конфликте с культурными установками героев текучей современности, рассматривающими нынешнее рабочее место лишь как временный плацдарм перед прыжком на новую площадку самореализации.

Разумеется, любое обобщение в масштабах современных обществ является ложью по определению. Метафорой глобального социального пространства является океан, в котором существует множество разнонаправленных тенденций. Поэтому точная фиксация любой из них будет правдой, которая автоматически превращается в неосознанное заблуждение или осознанную ложь при попытке чрезмерного обобщения. Это в полной мере относится и к текущему профессиональному образу жизни как эталону нормальности.

Профессиональный традиционализм как ответ на вызовы текущей современности

Наряду с появлением заметной категории людей, осознанно отвергающих жесткую профессиональную колею и принимающих текучий образ жизни как форму эффективной самореализации, можно встретить и такой тип личности, который тяготеет к совершенно противоположным ценностям. Для этого типа личности жесткая и глубокая профессиональная колея – самая комфортная и желанная среда обитания, а растущая зона текучей современности во всех ее формах – пугающая перспектива. И этот тип распространен не только в старшем поколении, габитус которого является естественным продуктом жесткой профессиональной структуры. В условиях текучей современности, производящей в широких масштабах неустойчивость и непредсказуемость рынка труда, одной из естественных форм реакции является стремление найти в этом бурлящем море тихую заводь.

Не только в России, но и во многих других странах она представлена сферой государственной службы, где институционально закрепляется устойчивость профессиональной колеи. И нет ничего удивительного, что в России после смутного времени 1990-х гг., когда была популярна (особенно среди молодежи) мечта уйти в предприниматели (яркий пример текучей зоны профессионального пространства), все более заметное место занимает иная жизненная стратегия, предполагающая самореализацию через ту или иную форму государственной службы. Эффективность этой стратегии зависит от наличия адекватного ей типа личности. Чиновник, полицейский, менеджер государственной корпорации становятся героями нашего времени, наряду с вышеописанным типом «текучей» личности. В условиях, когда быстрыми темпами идет огосударствление разных сфер жизни, тип личности, стремящийся к карьере в рамках устойчивой служебной колеи, имеет гораздо больше шансов на самореализацию, успех которой измеряется в критериях классической социологии: власть, доход, престиж.

Однако тенденция к стабилизации через огосударствление пока не доказала свою способность противостоять наступлению текучей современности, которая в отличие от него не ограничена национальными рамками, а является глобальным феноменом. Слабость тенденции к самореализации через кажущиеся стабильными карьерные колеи госслужбы

проявляется в двух основных формах. Во-первых, государственный сектор не защищен от непредсказуемых колебаний глобального и национального рынков, которые определяют масштабы государственных расходов (над служащими постоянно висит дамоклов меч «оптимизации» и «сокращения штатов»). Во-вторых, текучая современность формирует конкурирующую систему ценностей в виде соблазна для чиновников и военнослужащих жить в условиях гибких графиков, периодически менять виды деятельности, место жительства и т.д.

Заключение

В данной статье предлагается теоретико-методологический подход к исследованию профессиональной структуры, в основе которого лежит стратегия синтеза объективного социокультурного профессионального пространства и перемещающихся в нем индивидов, структуры и деятельности, текущей современности и огосударствления. Операционализируемая в данной статье категория профессиональной колеи (как частного случая жизненной колеи) является, как мне представляется, эффективным методологическим инструментом осмысления динамики профессиональной структуры на перекрестке сталкивающихся противоположных объективных тенденций и исследовательских подходов. Однако инструментальность категории можно проверить лишь в ходе специального эмпирического исследования.

С одной стороны, профессиональная колея, обладающая мощной силой внешнего и внутреннего принуждения, является атрибутом профессионального пространства и институциализируется с помощью механизмов, обеспечивающих зависимость настоящего от прошлого. С другой стороны, колея принимает форму индивидуального профессионального габитуса, принуждающего индивида к лояльности своей профессии, ограничивающего его горизонтальную профессиональную мобильность. Однако обе ипостаси колеи сталкиваются с вызовами текучей современности, признаки которой все более явно проявляются в самых разных зонах социального пространства.

Список источников

Аузан А. *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. (6): 54–60.

Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.

Бурдые П. *Практический смысл*. СПб.: Алетея, 2001.

Бурдые П. *Начала*. М.: Socio-Logos, 1994.

Бурдые П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ, 2010.

- Гофман Э. *Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу*. М.: Смысл, 2009.
- Ильин В. И. Индивидуальная жизненная колея: деятельностно-конструктивистский подход к изучению молодежи // *Девятые Ковалевские чтения. Социология и социологическое образование в России*. 2014: 1168–1170 // http://soc.spbu.ru/nauka/publications/k9_4r.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
- Козырева П. М. Межпоколенческая социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. (1): 60–73.
- Нуреев Р. М., Латов Ю. В. *Институционализм в новой экономической истории. Институциональная экономика. Учебник*. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Россияне не хотят, чтобы дети продолжали их профессию // *ВЦИОМ. Пресс-выпуск*. 17.12.2010. № 1654 // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111186> (дата обращения: 23.10.2012).
- Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. *Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В. С. Катъкало, Н. П. Дроздовой*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
- Шкаратан О. И. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Becker H. S. Notes on the Concept of Commitment // *The American Journal of Sociology*. 1960. 66 (1): 32–40.
- Blaw P., Duncan O. D. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley, 1967.
- Bouckaert B., De Geest G. (eds.) *Encyclopedia of Law and Economics, Volume I. The History and Methodology of Law and Economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.
- Bravennan H. *Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century*. New York: Monthly Review Press, 1998.
- Buchanan J., Tollison R., Tullock G. (eds.) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. College Station, Texas: Texas A and M University Press, 1980.
- David P. Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. 1985. (32): 332–337.
- Djelic M., Quack L. and S. Overcoming Path Dependency: Path Generation in Open Systems // *Theory and Society*. 2007. 36 (2): 161–186.
- Krueger A. O. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. 1974. (64): 291–303.
- Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*. 2000. 29 (4): 507–548.
- Roedenbeck M. R. H. Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology // *Journal of Futures Studies*. 2011. 15 (4): 25–44.
- Schelling Th. C. Essay on Bargaining // *American Economic Review*. 1956. (46): 281–306.
- Tullock G. The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // *Western Economic Journal*. 1967. 5 (3): 224–232.
- Williamson O. E. The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach // *The American Journal of Sociology*. 1981. 87 (3): 548–577.
- Williamson O. E. The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. 16 (3): 171–195.

THE PROFESSION AS AN INDIVIDUAL LIFE PATH DEPENDENCY: A CONCEPTUALIZATION OF THE CATEGORY

The article considers how categories of path dependency are conceptualized within a context of achieving individual self-realization in one's professional sphere. The professional path of an individual is under transformation as part of a more general trend toward institutionalization. One result of this is the emergence of the professional path as an element of social structure. On the one hand, it increases the chances of achieving vertical mobility within the profession, while on the other it deters horizontal mobility between professions. There are two mechanisms at work in the professional path. Firstly, the key characteristics of the professional space are formalized, which includes delineating the processes of professional specialization and training while regulating, procedures for admission into the profession. Secondly, the professional path is internalized as a collection of specialized individual intellectual and physical abilities, knowledge and skills, habits and attitudes. As a result of this internalization, the professional track becomes a prolonged in time prescribed status. However, within the rather fluid conditions of the current period, there are also tendencies that move in a different direction. This includes the increasingly instability of the once stable and rigid structure of the professions of former times, which can be seen as a result of lagging behind the actual needs of the labour market, which, in turn, leads to the deformatization of the professions. Furthermore, a new type of personality is emerging in response to the dynamics of current conditions. What makes it new is its rejection of the rigid logic behind the professional path.

Key words: professional space, path-dependency, professional track, liquid modernity, professional mobility

References

- Auzan A. (2013) *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The Economics of Everything: How Institutions Define Our Life], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Auzan A. A. (2007) "Koleya" rossiyskoy modernizatsii [The Path dependency of Russian Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Society and Modernity], 6: 54–60.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity], St. Petersburg: Piter.

- Becker H. S. (1960) Notes on the Concept of Commitment. *The American Journal of Sociology*, 66 (1): 32–40.
- Blaw P., Duncan O. D. (1967) *The American Occupational Structure*, New York: Wiley.
- Bouckaert B., De Geest G. (eds.) (2000) *Encyclopedia of Law and Economics, Volume I. The History and Methodology of Law and Economics*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practicle Sense], St. Petersburg: Aleteya.
- Bourdieu P. (1994) *Nachala* [Principles], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu P. (1993) *Sociologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos.
- Buchanan J., Tollison R., Tullock G. (eds.) (1980) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*, College Station, Texas: Texas A and M University Press.
- Braverman H. (1998) *Labor and Monopoly Capital: the Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.
- David P. (1985) Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, (32): 332–337.
- Djelic M.–L., Quack S. (2007) Overcoming Path Dependency: Path Generation in Open Systems. *Theory and Society*, 36 (2): 161–186.
- Furubotn E. G., Rikhter R. (2005) *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii* [Institutes and Economical Theory: Achievements of the New Institutional Economical Theory], St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodeistviya. Ocherki povedeniya litzom k litzu* [Rituals of Interaction. Essay on Face-work], Moscow: Smysl.
- Gorshkov M. K., Sheregy F. E. (2010) *Molodezh' Rossii: soziologicheskiy portret* [The Russian Youth: Sociological Portrait], Moscow: TzSPiM.
- Ilin V. I. (2014) Individual'naya zhiznennaya koleya: deyatel'nostno-konstruktivistskii podhod k izucheniyu molodezhi [Individual Path Dependency: Action-Constructivist Approach to the Youth Research]. *Sbornik materialov. IX Kovalevskie chteniya. Sociologiya i sociologicheskoe obrazovanie v Rossii* [Collection of Materials. 9th Kovalevsky Reading. Sociology and Sociological Education]: 1168–1170. Available at: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/k9_4r.pdf (accessed 15 July 2015).
- Kozyreva P. M. (2013) Mezhpokolencheskaya sozial'no-professional'naya mobilnost' v post-sovetskoi Rossii [Intergenerational Social and Professional Mobility in Post-Soviet Russia]. *Soziologicheskaya nauka i sozial'naya praktika* [Social Science and Social Practice], <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1134975&selid=201497161>: 60–73.
- Krueger A. O. (1974) The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *American Economic Review*, 64: 291–303.
- Mahoney J. (2000) Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*, 29 (4): 507–548.
- Nureev R. M., Latov Ju. V. (2007) *Institutzionalizm v novoy ekonomicheskoi istorii. Institutzional'naya ekonomika. Uchebnik* [Institutionalism in New Economic History. Institutional Economics. Textbook], Moscow: INFRA.

Rossiyane ne khotyat, choby deti prodolzhal i ih professiyu (2010) [Russians do not Want Their Children to Follow Their Professional Path]. *VTzIOM. Press-vypusk*, 1654. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111186> (accessed 10 April 2015).

Roedenbeck M. R.H. (2011) Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology. *Journal of Futures Studies*, 15 (4): 25–44.

Schelling Th.C. (1956) Essay on Bargaining. *American Economic Review*, 46: 281–306.

Shkaratan O. (2009) *Sozial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoi Rossii* [Social and Economical Inequality and Its Reproduction in Modern Russia], Moscow: Olma Media Group.

Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat. The New Dangerous Class], Moscow: Ad Marginem Press.

Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft. *Western Economic Journal*, 5 (3): 224–232.

Williamson O. E. (1981) The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach. *The American Journal of Sociology*, 87 (3): 548–577.

Williamson O. E. (2002) The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract. *Journal of Economic Perspectives*, 16 (3): 171–195.